

ЮРИЙ КАПЛУНОВ

Ш У Г А

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

издательство
МАМАТОВ®
www.mamatov.ru

Санкт-Петербург 2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5
К20

Каплунов Ю.

К20 Шуга: стихотворения разных лет / Юрий Каплунов. –
СПб.: Изд-во «Маматов», 2021. – 144 с.

Живительная сила природы, ход времени, любовь и сопри-
частность жизни – основные мотивы творчества уральского
поэта.

ISBN 978-5-91076-220-0

© Каплунов Ю. М., 2021
© Черников Е. В., составление, 2021
© Буйносова Н. И.,
заключительная статья, 2021
© Сайфулин А. Г., дизайн, 2021
© Тепикина И. О., 2021
© Издательство «Маматов», 2021

Сергей Каренцков

Шуга

Вдоль берегов идёт шуга.
Вдоль берегов идём и мы.
И это значит – два шага
Земле осталось до зимы.
Зима найдёт нас поутру
И встретит будто невзначай,
Присядет к нашему костру,
А мы заварим крепкий чай.
И не оглянемся уже,
Всё лету прошлому простив,
На этом снежном рубеже
В себе рубеж переступив.
А по берёзовым листьям
Ударят заморозки влёт.
Потом настанет ледостав,
Настынет в заберегах лёд.
И так нам жить: любить снега
И не просить тепла взаимы.
Шуга идёт, и два шага
Земле осталось до зимы.

* * *

Н. Торопову

Мы шли сквозь лес. Работы полевые
До блеска раскатали колею.
У леса и у поля на краю
Я ощутил вкус времени впервые.

И замер – будто с книгою в руке,
И прочитал, раскрыв на серединке:
К земле снижались быстрые снежинки,
Светился мокрый лист на сапоге.

Спешил октябрь заполнить пространство.
Студент-подросток в куртке до колен,
Я уловил простое постоянство
В круговращенье этих перемен.

Был тот же день – но явственней и шире,
И было трудно осознать вполне,
Что в этом повторяющемся мире
Уж никогда не повториться мне!

Шли обнажённым полем. Из-под ног
Катились клубни бело-голубые.
Железно-кислый, на губах, впервые, –
Вкус времени был внятн и жесток...

О высшей математике

Математик дедушка Сокольский:
– С вами мы ровесники, – сказал.
И, хотя вопрос довольно скользкий,
Очень быстро это доказал.

Непростую объясняя тему,
Может, претендуя на почин,
Жизнь свою и нашу свёл в систему
Бесконечно малых величин.

Выстроил каракулей цепочку,
А когда расчёты завершил,
Знак «равно» поставил, после – точку, –
Так, что мел в кусочки раскрошил.

Говорил он: – Юноши, поверьте! –
И в его глазах смеялся бес.
Вышло: мы равны до самой смерти
В высшей математике чудес.

По-его и вышло, как ни странно.
Как ни странно, так тому и быть.
Повторял Сокольский неустанно:
– Надо математику любить!

Поднимал он палец, как указку.
Вот такие, стало быть, дела:
Мы тогда решили – это сказка.
Это только присказка была.

Художник

Не акварелью и не маслом –
Мальчишка кровью холст измазал.
С мольберта, обретая тело,
Девчонка грустная смотрела.

Был холст – как хрупкое растение,
И был мальчишка этот мал,
Стояли сверстники растерянно,
Он сам растерянный стоял.

О, страстность тяги к начинанию,
Исканий вечная стезя.
Был этот холст таким нечаянным,
Таким, что искренней нельзя!

Руководитель изостудии
Мазилу ласково журил.
Со стен великие, как судьи,
Портретно сгрудились в жури.

1966

В марте

Теряю суть, как высоту.
Теряю пульс авиалиний,
Рву воротник и аварийно
Катапультируюсь в весну!

И не кощунствую, не каюсь,
И с сигаретою в руке –
Осипшим сердцем прикасаюсь
К вечерней уличной реке.

Струится музыка транзисторов
Сквозь гаснущие голоса.
И воспалённо, и пронзительно
Текут троллейбусов глаза.

И снова в ясность мира верю я...
Но, прозвонив начало дня,
В пружину втиснутое время
Назавтра выстрелит в меня...

1968

* * *

Я понимаю, я понимаю,
Не бесконечна моя прямая.
Аэродромы не принимают.
Я понимаю, я понимаю.
Меня налогами облагает
Земля,
 закрытая облаками...
Налог за крылья. Налог за юность.
За снег в берёзах. За дождь в июне.
Лицо пылает, как от пощёчин,
А я не плачу, плачу по счёту!
За пожеланье попутных ветров.
За ожиданье моих приветов.
За верность песням, что петы стоя.
Плачу отчаянно
 высотой...
И понимаю: ведь я не птица,
Вдруг неостанет, чем расплатиться?

Апрельский дождь

Ещё не выяснились сроки.
Полупрозрачные леса
Спросонья всасывали соки,
Вникали в птичьи голоса.

Ещё держался снег вчерашний,
Овражной глубиью взятый в плен.
Дождь начался: апрельский, зряшный
Для этих робких перемен.

Он шёл весь день, всё ждал с ответом,
Темнел, от нетерпенья злой,
И к вечеру запахло летом –
Травой и чёрною землёй.

Томилась в нём взрывная сила
Той плотности и чистоты,
Что на глазах переходила
В берёз зелёные листы.

Пригород

Асфальт уже сухой. Но сочен –
Дразня полдневный полузной –
Прикатанный повдоль обочин
Остаток грязно-ледяной.

Полно оттаявшего сора.
И на внезапный проблеск трав
Ярится пёс из-за забора,
На лапы задние привстав.

У автостанции – скамейка,
Весной на ней во все года
Подростков гомонит семейка,
Не отъезжая никуда.

Весёлый день – как новый глобус,
По большей части голубой.
И подбегающий автобус
Оранжевее, чем зимой.

Черёмуха

Под невысокою горою,
У речки на краю полей
Средь трёх столетних тополей
Черёмуха цветёт весною.

Мне жаль судьбы её печальной:
Ведь ягоды с ветвей густых
Сорвёт лишь человек случайный
Да птицы склёвывают их.

Ах, сколько утекло воды.
Смывает время помаленьку
Иль хуторка, иль деревеньки
Едва заметные следы.

На зов души из года в год
Я прихожу сюда послушно:
Здесь так настойчиво, так душно
Весной черёмуха цветёт.

Запретная зона

Солдат поставлен на пост,
Он мелочь заметит каждую.
Солдат охраняет мост,
Стратегический, важный.

День, жарю измученный,
Наполнен кузнечиков звоном.
Проволока. Колючая.
«Стой! Запретная зона!»

Надпись дожди повысекли,
Отметили ржавчиной годы.
А прямо за зоной высится,
Раскинув громады, город.

Зоне давно бы на пенсию!
Давно бы на пенсию войнам!
А город домами пенится
И катит улицы-волны.

Ржавеет колючая изгородь...
И дети с соседней улицы
Подходят к зоне и издали
Всё смотрят на мост и хмурятся.

О нет, они не шпионы!
Но что ты с ними поделаешь,
Если в запретной зоне
Ромашки самые белые.

Там васильки особенные,
Кашки – такие грузные!
И о букетах несобранных
Девчонки вздыхают с грустью.

Мальчишки, а взгляд их – лезвие! –
Вприщур глядят на солдата,
Они по-пластунски лезут
И рвут цветы воровато.

Девчонки на них, окаянных,
Взирают со страхом восторженным.
Но всё заметит охранник,
Ему заметить положено:

– А ну, убирайтесь, дети! –
Кричит и рукою машет...
На штык у него надета
Ромашка.

1962

У костра

Огонь постукивал по лесинам,
Как белка, прыгал с ветки на ветку
И цепкой хваткой своей рысиной
Ломал и крючил их зло и метко.

Метался круг неровного света,
Скакал по лицам, – и вдруг блистали,
Как будто плавилась в свете этом,
Глаза – по капле горячей стали.

Сплетались вокруг причудливо тени,
И было всем хорошо и тесно,
И где-то рядом кружила темень,
И пламя в губы лизало песню.

1964

Другу

Виталию Васьковскому

Ладонями глаза накрой.
Ты помнишь, в детстве так бывало:
Нам жизнь коленки разбивала
И лбы царапала нам в кровь.

А мама ахала: «Мой мальчик!..»
А ты играл мячом своим,
Катился по земле твой мячик,
И ты бежал, бежал за ним.

Мы чтили мяч, не чтили кукол.
Земля и мяч – они круглы,
Но на пути встречался угол –
И мы таранили углы!

Сидишь, окурок беребя,
Ты по-мальчишески не робок.
Крутую жизнью в подбородок
Сегодня стукнуло тебя.

А мы спешим, – и скачет мячик,
И где-то угол зашибёт...
И через все года: «Мой мальчик,
Терпи, до свадьбы заживёт!»

1965

Рассказань

Расскажи мне сказку,
деревня Рассказань.
Очень прошу тебя рассказать.
Ты ветрами-вьюгами
Её мне напой.
Босиком стану я
на холодный пол
Да в окошко лунное посмотрю,
Папироску горькую посмолю.
Снегом некатанным
Тебя занесло,
Ветром негаданным
К тебе меня занесло.
Мне снега глубокие
на грудь положи,
Как друзья далёкие живут,
расскажи.
Пьют ли за меня ещё
Хмель-вино?
Я в родимом городе
не бывал давно.
Там в высоком тереме
Жила княжна,
Может, уж теперь она
Чья жена?
Аль меня, царевича, ждёт-пождёт,
Пишет письма долгие,
Напишет – пожёт?
Ты мне в сказке сказывай
Всё как есть,
Я не прогневаюсь на худую весть.

Только, может быть,
 чуть-чуть загрущу,
Только, может быть, губу закушу.
А ещё, пожалуйста, дай ответ:
Добрый я молодец
Или нет?

1966

* * *

Ветер светлые ветви полощет.
Накренился апрель к рубежу.
Я сюда, как на Красную площадь,
По просохшей тропе прихожу.

Прощаться и – в путь. До свиданья!..
На просторный берёзовый лес
Опадает озноб ожидания
С колокольни высоких небес.

Средь стволов замираю покорно –
Всё отчётливей слышится мне:
Набухают корявые корни
В материнской сырой глубине.

И в висках отзываясь со звоном –
Знать, и вправду исполнился срок, –
К учащённому сердцу – озоном
Подступает берёзовый сок.

И меня над бескрайней и милой,
Что бессмертными нас родила,
Подымает прихлынувшей силой,
Как подъёмною силой крыла!

Высота набегает полого,
И на взмахе крепчает рука...
И дорога моя от порога,
Словно облачко в небе, легка.

* * *

Мы проснулись в минуту одну
На краю у лесного оврага,
Где глубин отворённая влага –
По студёному, тёмному дну.

Ярь живицы, дурман земляники...
И, срываясь меж сосен в пролом,
По лицу беспокойные блики
Задевают прозрачным крылом.

Для единственной юной любви
Вновь июль повторился на свете –
В колошенье, смешенье, жар-цвете,
С первобытную мукой в крови!

И услышали слитный язык
Птиц, ручьёв и соснового леса:
Будто с памяти спала завеса
На один оглушительный миг!

Родник

Травы сохнут, пахнут пряно,
Спелой ягодой маня.
Родниковая поляна
Приголубила меня.

Под травую безголосо
К тишине земли приник
Не открытый до покоса,
Новорожденный родник.

Выбивается наружу
В грозовой июньский зной
Переливчатая стужа
Из глубинной кладовой.

Полноводных рек не стоит,
Но, насколько хватит дня,
Не кончается и поит
Небо, поле и меня.

Осень в Смолино

А когда в пожелтевших березняках
Ветер задул, загудел, засвистал,
Мы вышли к оврагу, и с глазами враспах
Отряд над обрывом встал.

Молча скинули рюкзаки
И выпрямили тела
Над каменным руслом былой реки,
Река давно утекла.

Нам было такое увидеть дано! –
Пронзило и бросило в дрожь:
Взметаясь до неба, на жёлтое дно
Сыпался жёлтый дождь.

Томилось чувство – выше любви;
Тоска... – но ясней тоски!
Осень летела. Хочешь, лови
И складывай в туески.

Кончилась осень, как взмах руки,
Легла прозрачней стекла
По древнему руслу былой реки,
Которая утекла...

На закате

Закат – как последний вагон
уходящего поезда,
И если ты добрый,
вдогонку ему помаша.
И поздно кричать и спешить.
И раздумывать поздно.
И если ты добрый,
вдогонку ему помаша.

Смотри...
Откровенье закатов запомни, как заповедь.
Разливы, и спелое поле,
и снова январь, –
Прносятся дни, громыхая,
с востока на запад,
И солнце качается сзади,
как будто фонарь...

Третий

Не будет громких и лишних слов,
Пилот шагнёт к кораблю,
Скажет: «Земля, я тебя люблю...»,
Скажет: «К полёту готов!»

Земля от дюз шарахнется прочь
И станет радужным шаром,
И будут за ним в межзвёздную ночь
Глаза телескопов шарить.

Он – силу Земли вобравший титан,
Он новые бьёт дистанции!
И скажет торжественно Левитан:
«Внимание... Говорит Москва!..
Работают все радиостанции...»

Заглянет в московские окна утро,
Прольётся трель соловья,
И станут люди у репродукторов,
Эти слова ловя.

И все другие тысячи слов
Померкнут от этих, вылиняв.
И в ряд с именами Гагарин, Титов
Встанет новое имя.

Застынут звёзды, к себе маня,
И он оттуда ответит:
«Земля, Земля, слушай меня,
Я – Третий!»

Комаров

Ах, как верим земными вёснами
В межпланетность своей судьбы.
О крутые пороги звёздные
Разбиваем упрямые лбы.

Как срывает мясо с костей
Век космических скоростей!

Путь по звёздам, как путь по терниям,
Но сражаются до конца
И победами, и потерями
Переполненные сердца!

Нам ещё устроят овации
Космонавты иных веков.
На скрижалях цивилизации
Вечным золотом – КОМАРОВ.

24 апреля 1967

Платформа «Циолковская»

Платформа «Циолковская» – в лесу.
Я остаюсь, уходит электричка.
Качая ветку, птичка-невеличка
Удерживает песню на весу.

Светла дорожка лесом и близка.
Спеша на службу звёздную, земную,
Рабочий день минует проходную,
Привычно предъявляя пропуска.

1971,
Звёздный городок

Утро в Звёздном

*Команданту Звёздного
Борису Бобылёву*

Лёгкий сон подмосковных сосен.
Небо в расплесках перламутра.
По-уставному – ровно в восемь –
Начинается в Звёздном утро.

Как от всех сует очищение,
Это утро – в росе, грибное.
И какое-то ощущение:
Будто чуточку неземное.

Будто небо над Звёздным – выше.
И пораньше других, знакомо –
Сам Гагарин на площадь вышел,
Просто бронзовый, против дома.

1971,
Звёздный городок

* * *

В это вложена бездна труда:
Световые исчислены вёрсты.
Вон – густые осенние звёзды,
Человечеству надо туда.

От взволнованной детской мечты
И от крови, вскипающей разом,
Устремляется дерзостный разум
Наводить в мирозданье мосты.

Чёрный вакуум, стылая высь –
Дерзость сердцебиением смертье –
За пределами жизни и смерти
И отечества, где родились...

Наш уютный космический дом,
Где не надобны окна и двери,
И наличие звёзд в интерьере
Предвещает погоду притом...

Этот дом звёзд милее стократ!..
В наших людях мне нравится очень:
Помечтают в погожую осень
И в апреле выходят на старт.

* * *

С пригретых пригорков
Из снежной купели
Крылатые сосны
Взлетают в апреле.

Свершается: птичьи
Звонят позывные,
Нацелены в небо
Все силы земные!

И ввысь прорастают,
Как к солнышку семя,
Весенние люди –
Крылатое племя...

* * *

Помаши кораблю.
И накличь ему ветра отваги.
Злое слово «люблю» –
На приспущенном флаге.

Неужели не жаль?
Но платочек слезой напитала.
Ах, какая печаль
Полоснула глаза капитана...

Белой пены белей
Берегов раскалённая глина.
Ждут своих кораблей
Терпеливые девочки Грина.

Так рванулась на борт!
Загорелые ноги нагие.
Удивилась: не тот...
Паруса... может быть, не такие?

Добрый сказочник Грин...
Как же так, не помедлив с советом,
Что наделал один
Он, чудак, с целым светом?

Как печальна рука!
А кораблик растаял. Не стало.
Но ещё облака
На закате отсвечены ало.

* * *

Проходят дни, приходят времена,
Когда за всё, что прожито вначале,
Жизнь платит строгой памятью сполна
И судьбы завершённой венчает.

И я в раздумьях о своей судьбе
Однажды всё как есть осмыслив чётко,
По самому большому к жизни счёту
Подам ли руку самому себе?..

1967

К снегу

Так жили – не просто, не сложно,
Но вот уже к сердцу легла,
Какая лишь к снегу возможна,
Вечерняя полумгла.

Встревоженно медля на склоне
Студёного этого дня,
Вздыхали, дышали в ладони,
В доме не включали огня...

Назавтра колёсный и пеший
Растопчут ожог белизны...
И листьям, опать не успевшим,
Тогда не опать до весны.

* * *

Речонка радостно летела,
Но с декабрём наедине
Она, звеня, заледенела
До круглых камешков на дне.

Как задохнулась от бессилья,
Под белой тяжестью снегов
Припав на сгорбленные крылья
Теперь ненужных берегов.

И в жизни, разнозвучья полной,
Вдруг не хватило торжества,
Как песни той, что с детства помнил,
А нынче позабыл слова...

Набросок января

1.

Подлесок – настезь; речка, поле.
Остановлюсь, гляжу с холма,
Как жизнь свою на вольной воле
Справляет зимушка-зима.

Мелькнёт, змеясь, позёмка. Следом
Качнётся мёрзлое быльё.
Река – в крутых извилах слепок
Журчанья прежнего её.

2.

За неприятной белизною,
Испятнанною синевой, –
Я помню взгорок в жгучем зное
С кузнечиками и травой.

В траве запуталась клубника.
А в заводи, впадая в ярь,
На блёстку солнечного блика
Со всплеском вымелькнул пескарь.

А вон подростки-непоседы
Сигают кубарем ко дну.
Одежда и велосипеды –
Всё в кучу брошено одну.

Густым июльским цветом кожи,
Счастливой резвостью игры
Они как близнецы похожи –
И неразлучны до поры.

Подальше – ниже по теченью –
Недвижно к удочкам приник,
Накрыт береговою тенью,
Из местных жителей старик.

Его неразличимы годы.
Ему от камушка видней
В излуче ближней огороды
С подсолнухами вдоль плетней.

К сараям сложены поленья, –
Запасы перечтёт зима.
И триста лет стоят без тленья
Из бурых лиственниц дома.

3.

...Зима теперь в зените самом
И обжита давно с умом
В две долгих улицы селом –
С навозом конским, следом санным,
С дымком печным и духом банным
И с пимокатным ремеслом.

Мороз. Не затевают драки,
Подрагивают без конца
Две неприкаянных собаки
У магазинного крыльца.

Морозы строгие в привычке.
В полях размётаны стога,
И к сену зимник – как в кавычки
Из лета взятая строка.

Зимнее утро

Просыпается народ:
Свет – сквозь тюли и гардины;
На будильниках единый
Установлен был завод.

Жмёт мороз, крепчают льды.
Начинаем день с разбегу,
По новёхонькому снегу
Напечатаны следы.

Предрассветный час – родной.
Воротник подняв от вьюги,
Узнаём себя друг в друге
По дороге к проходной.

Наизусть, издалека
Та дорога без запинки
Все проталинки-тропинки
Собирает, как река.

Время – делу быть. И вот –
Итээровский, рабочий,
Юный, дедовский и отчий,
На исходе зимней ночи
Просыпается завод.

Горячий стаж

На Урале жарче, чем на юге,
В августе и сентябре тем паче.
В январе – когда лютуют вьюги...
Приезжайте, убедитесь: жарче.

Встретим вас, южане, мы сердечно.
Привозите груши – не бесплатно.
Заходите прямо к нам в кузнечный,
К нам в литейный или к нам в прокатный.

С вами не сравнимся мы загаром,
О житье на юге посудачим,
Об уральском стаже, что недаром
Так и называется – горячим.

Да, рубахи горячи от пота!..
Тёплый юг прекрасен, я не спорю.
Поостыть от огненной работы
Заводчане улетают к морю.

У моря

Когда прибой коснётся слуха,
Проснусь и к морю побегу,
Увижу: белая старуха
Опять сидит на берегу.

Быть может, у неё бессонница,
С утра пустынен пляж зато.
От припекающего солнца
Прикрылась выцветшим зонтом.

Всё смотрит на море, немая,
Ему от старости сродни.
Их языка не понимая,
Я слышу: говорят они...

Всё смотрит на море, поглубже
Колени кутает в песок.
В оранжевой авоське груши
Ей принесёт внучонок в срок.

Когда ж весёлыми телами
Нагрузнет певчая волна,
Обременённая летами,
Уйдёт тихонечко она.

Дорога в марте

Взлетел рассвет весне навстречу –
И замер, вслушался, продрог;
Шофёрам вновь сугулит плечи
Морока мартовских дорог.

Темнея, в дымке невесомой –
России гордость и краса –
Уже наполнились истомой
До края
Синие леса.

Вдоль жарких плеч раскинув шубы,
Во льду напрягшейся реки
Буравят лунки рыбаки,
Аж от восторга скалят зубы!

Вон мальчик, юноша, мужчина –
Как будто бес в него проник –
Бредёт без лыж и без причины
Опавшим полем напрямик!

Вон сколько их – полуприметных, –
Бери на память в узелок, –
Весны каменье самоцветных
В оправе мартовских дорог!..

* * *

Вьюги зиму пропели,
Стали зори видней,
Жду апреля, апреля,
Жду берёзовых дней.

С рюкзачком за плечами
У людей на виду
Я тебя повстречаю,
В закипающий лес уведу.

Будет солнышко литься
На поляны, где нам прошагать,
Прошлогодние листья
Под ногами у нас зажигать.

А потом соберётся
Темнота, загустев на ветру,
И нагие берёзы
Сойдутся к ночному костру.

И в лесном хороводе
Закружась, мы сначала поймём:
Всё на свете проходит,
Только мы остаёмся – вдвоём

Над бездонностью вёсен,
Про слова позабыв впопыхах,
С ощущением вёсел
В захмелевших руках!

На рассвете белёсом,
Когда шает ещё костерок,
Поднесут нам берёзы
Студёный берёзовый сок...

Марши

Есть музыка – что ветер ранний,
И ею вновь душа полна!
И надевают ветераны
Сияющие ордена...

Возвысив головы степенно,
На крыльях маршевых минут
Они по бархатным ступеням
Теперь в президиум идут.

Излишни слава и слова.
Идут, глазами улыбаясь
Тому далёкому, как завязь,
Что вспоминается едва...

Меня до слёз волнуют марши,
Их рокот медный, громовой:
Как будто добрый кто-то машет
Благословляющей рукой!

* * *

Вот так: всю жизнь отдать заводу
И не искать судьбы иной,
За эту жизнь – в огонь и в воду,
И – было дело – в смертный бой.

Всю жизнь в погоду, в непогоду
Спешить к заветной проходной,
И так же смолоду, как сроду,
Прожить на улице одной.

Всё это и не подвиг вроде.
В единой должности навек –
Заслуженный в своём заводе,
Заслуженный в своём народе,
Идёт с работы человек.

* * *

Уральский город – из деревни,
С крестьянской речью пополам.
И зов земли, ещё не древний,
Порой тревожит сердце нам.

Мой град кирпичный и сосновый,
Где мастерком, где топором
Его фабричные основы
Заложены ещё Петром.

Живём, квартплатой расплатились,
Жизнь рассудила всё сама:
Деревни ближние сплотились
В многоквартирные дома.

Подчас мерещится мне, что ли:
У шумных улиц на пути
Душа деревни просит воли,
Не площадь – поле перейти,

Подставить ягодам лукошко...
Воображение пленят
И над завалинкой окошко,
В окошке – кошка, и гармошка
С вечерней песней у плетня.

Мы варим сталь, не землю пашем,
О том и новая молва.
Душа деревни в крае нашем
Преобразилась – и жива.

И в день воскресный перед снами
В том общежитии большом
Поют «Рябинушку» под нами
И пляшут выше этажом.

* * *

Рите

Сынишка наш в смятении великом
Весь день в коляске не давался сну,
И радостным, каким-то птичьим криком
Вдруг оглушал прохожих и весну!

Смеялись и по улицам кружили.
Текли твои ладони по лицу.
Мы ни о чём на свете не тужили,
Всё возвращались к своему крыльцу.

Похолодало. Сумерки серели.
Мы долго оставались в полумгле
И чай глотали с запахом сирени,
Достойно увядавшей на столе.

Густело, трудно наступало лето.
Студёный ветер, яблоневый цвет.
Когда-нибудь мы вновь припомним это,
Когда-нибудь... Хоть на исходе лет.

Летний вечер

Уходит этот длинный день
Едва начавшегося лета.
Из полутьмы и полусвета
Единая связалась тень.

Весь день был праздник: то да сё,
Была гроза – не замочила,
Торжеств ничуть не омрачила,
Так, пригрозила, да и всё.

Была безоблачною ты,
Какой с зимы была едва ли.
У магазинов продавали
Щавель, редиску, лук, цветы.

На состязаньях вдоль реки
Носились лодки ветровые.
Толпились зрители, впервые
Оставив дома пиджаки.

Слагались в памяти черты
Несложных радостей начальных,
Весь день был полон встреч случайных,
Рукопожатий, доброты.

Какой был праздник! Поутру
Вдруг больше не случится чуда?
Все медлят во дворах покуда
И не скликают детвору.

Опять накатывает гром,
Вновь небу хочется пролиться.
Темно, неразличимы лица...
Всем хочется ещё продлиться,
Не оставляя на потом!..

* * *

И усталость пришла наконец. На рассвете
Затопило туманом излуку реки.
На измятых подушках ворочались дети,
И бессонницей мучились старики.

Этой ночью прошла грозовая пехота, –
Тяжело мостовые корёжила дрожь, –
Через город – в леса, где просохли болота,
Через город – в поля, где пшеница и рожь.

А наутро строители и заводчане
По-крестьянски о том разговоры вели –
Из глубин проросла, набирала звучанье
Сопричастность великому делу земли!

Дорога в июне

Мне в дорогу вёрст немало.
В окруженье синих гроз
От Москвы и до Урала –
По России сенокос.

Как в цеху – за сменой смена, –
Накрепко заведено:
Запах сена, запах сена
Сквозь вагонное окно.

В самом гибельном настое
Наземь падает – на взмах –
Лето красное, густое,
В росах, ягодах, цветах.

До заката, от рассвета –
По опушкам и логам...
Как подкошенное лето,
Упаду к твоим ногам.

До тебя мне вёрст немало,
Надо мной и над тобой,
Над Москвой и над Уралом
Пляшет дождик голубой.

В ГОРАХ ТАДЖИКИСТАНА

* * *

Меня перегоняли облака.
Средь валунов тропа одолевала
Подъём на седловину перевала.
Ручей вприпрыжку мчался с ледника.

Смочив лицо, я долго шёл, пока
Душа от нетерпенья не устала,
Но крутизна рванулась и пропала –
И холод налетел издалека!

Так чудеса нечаянно просты:
Вразброс – снегов измятые пласты
Горбатились, где круто, где покато.

С трудом давалось чувство красоты.
Я снял рюкзак... И стало жутковато
От лёгкости и синей высоты!

* * *

А горы непомерно высоки!
И это от равнинной непривычки
Мне высота колотится в виски
И, всё не разгораясь, гаснут спички.

Ползут на перевалы облака,
Дождей тяжёлых полные. – Счастливо!.. –
Вслед облакам иду неторопливо,
Моя дорога тоже далека.

Лежат наклонно потные снега.
Здесь горных рек разлётное начало:
Сбегаются – и мчатся одичало,
Со стоном ударяясь в берега.

Чиста новорождённая вода;
И мне видать в озёрные оконца,
Как неба голубые невода
Из глубины вычерпывают солнце.

Который нынче век, какой черёд?
Да правда ли, что время неустанно?
Через хребты метнулся самолёт –
Так близко, неожиданно и странно!

Светлею навсегда... Как на духу,
Беседую с самим собой на пару.
Вон, заметив пёструю отару,
Крутой тропой спускаюсь к пастуху.

К костру садимся. Взгляд собак потух,
Хозяйскому приказу не переча.
Я – металлург с Урала, ты – пастух,
Для нас обоих радостная встреча!

Жаль, по-таджикски молвить не мастак.
Слова с трудом находят в нас опору,
Я пью твой чай, ты куришь мой табак,
И это помогает разговору.

Поверх снегов ловлю из-под руки
Вершин остроконечное свеченье.
Ты прав, старик... К чему словам значенье,
Когда настолько горы высоки!..

Искандеркуль

Горы светлые, с постамента
Опрокинутые на дно:
Это озеро – не легенда,
Глубоко оно, холодно.

Здесь и тонут ночные кони,
Доскакав через тыщи вёрст,
Сбросив на воду по попоне,
Шитой градинами звёзд.

Эта ночь на вершине лета...
Выплывая наискосок,
Солнцегривые кони рассвета
Бьют копытами о песок!

Я дома!

Спускаюсь с небес – в ожидании сна:
Вот смолкнет струна реактивного гула...
Я дома! Меня привечает Кольцово,
Уральское солнышко мне подмигнуло.

Вагон электрички... Берёзы... Я дома!
Мои заводчане приходят с работы.
Ах, путник, вам это знакомо? Знакомо:
Заботы завода... Грибные заботы...

– Ну как там? – А тут как? – связалась беседа,
Короче – расспросы, длиннее – ответы.
Зачем улетать было вдаль, непоседа?
На редкость погожее выдалось лето!

И впрямь... Мне подумалось вдруг, что некстати
Изъездил, измерил шагами полмира.
И только стоят облака на закате,
Как горы Кавказа, как горы Памира...

* * *

Так бывает иногда:
В сердцевине крепкой лета –
В окнах вдруг убудет света,
Хлынут в двери холода.

По дождинке тут и там
Осыпаясь то и дело,
Птичье небо опустело,
Опустилось к соснякам.

Недомётаны стога,
В мороси трава умолкла,
И сама река намокла,
Как намокли берега.

Стынут косы без косьбы,
А на каждую поляну,
Как по осени, с обману
К свету выбрались грибы.

День, другой – и до утра
Просинело небо звёздно.
Ничего ещё не поздно:
Только самая пора!

* * *

А всё же истаяли соки
В травинках, в листве на весу,
И весть эту скоро сороки
По свету всему разнесут.

Так много я осеней прожил,
Вослед им глаза проглядел,
Что чую всей кровью и кожей:
Стремительно-близок предел.

Поверх переспелого лета
Осин разжигая огни,
Помчатся за убылью света
Последние красные дни...

Начало

Начало, осень, пёстрый праздник:
Цветы и речи, и звонок,
И сын – улыба-первоклассник,
Переступающий порог.

В толпе нерослой новобранец,
Любимый сын, любимый внук, –
На нём ещё домашний глянец,
А за плечами – новый ранец
Для вечной тяжести наук.

И вся торжественность момента
На все иные времена
На фото и на киноленты
В подробностях занесена.

На поздравленья со слезами
И пожеланья – в добрый путь! –
Пытаемся его глазами
Из памяти своей взглянуть:

Восторга больше, чем тревоги;
И без дыхания почти –
Шажок вперёд по той дороге,
Где нет обратного пути.

Пора листопада

Пора листопада. И в осень
Поодаль от ярких лесов
Мой день начинается в восемь
В краю заводских корпусов.

Меня не смущает нимало,
Что в воздухе тонком спроста
Слагаются – запах металла
И запах сухого листа.

В цехах азиатского лета,
Где отсветы брызжут со стен,
Доступны и сердцу заметы
Негромких земных перемен.

Давно понимаю: программа
В лесах и заводах – родня,
Расписано в планах до грамма
Количество ночи и дня,

Прибавок дождей в водоёме,
И жёлтый, и белый груздок,
И в заданном чтобы объёме,
И чтоб в установленный срок.

И кое-какие итоги
Уже обозначить пора:
У дней золотых на пороге
Холодные стыннут ветра.

Покуда не поздно светает
И на сердце птичьим светло,
Окрепшие, сильные стаи
Подняться спешат на крыло.

И листья снижаются плавно.
И это всё значит: настал
В графе государственных планов
Четвёртый, последний квартал.

На Урале

Июнь – ещё не лето,
июль – уже не лето, –
Так на Урале испокон веков...
Сентябрь
Из паутины эполеты
Уж нацепил на плечи грибников.
В реке стемнела
Звонкая вода,
И, открываясь в предвечернем блеске,
Парят
 леса, поля и перелески
Меж небом и землёй...
Но вот звезда
Затеплится
Над зябкою планетой.
Зима наутро выставит посты.
И, просияв, замрёт душа от этой
Пронзительной и тихой красоты.

* * *

Извечному забвенью вопреки –
Ещё о лете каждая травинка.
По берегу – непыльная тропинка,
Где хаживали ранью рыбаки.

Идёшь березняком, не ждёшь чудес,
Но вдруг поманит всполохом боярка, –
Отведай немудрящего подарка:
Припас, гляди-ка, на прощанье лес.

В три тополя селенье за рекой,
И церковки облупленная башня.
И наизнанку вывернута пашня
Хозяйственной крестьянской рукой.

По улице, где стихли трактора,
Под серыми сырыми небесами
Взахлёб, изнемогая голосами,
Гуляет свадьба с самого утра.

И рядом, и в ознобном далеке
В последней красоте неотразимо
Лицо земли... Земля уходит в зиму,
Всё до конца исполнив, налегке.

* * *

Придите, светлые слова,
На зябкий лист земли осенней.
От угасающих растений
Светло.
Кружится голова.

По краю леса – прям и крут
Скалисто-серый склон овражный,
И вниз
Недвижно и невлажно
Ручьи листовые текут.

Поля обугленно-черны,
Лежат в усталости вчерашней,
Лишь светит над холодной пашней
Желток
Соломенной копны.

На сердце лёгкость иль беда:
Легко взлететь, легко проститься, –
Легко, как улетают птицы,
Такие скорые. Куда?

Бежать ли мне за косогор
Крылатым путникам вдогонку?
Кричать ли мне по-птичьи тонко?
Я вслед им развожу костёр.

Нужны ль кому мои слова?
Пусть пахнет гарью ветер странствий!
А стаи взвешены едва
В стеклянной глубине пространства.

Гореть костру, светло гореть,
И я до светлой мысли дожил:
Такую землю кто-то должен
Закрывать собою... И согреть.

На переломе

Снег, дождь, дурацкая погода;
Напоминает – кинозал,
Где от прихода до ухода
Просмотру равен интервал.

И зрители с небрежной ленью,
За что – не ведая вины,
С порога в светопреставленье
Участвовать вовлечены.

Ты чувствуешь себя неловко –
С зонтом и в шапке меховой;
Троллейбусы на остановке
Буксуют в каше снеговой.

Морозно, слякотно, простудно,
Скорей забавно, чем смешно,
Но только в сторону абсурда
Как понарошку смещено.

Из мешанины и разлада
Вдруг проступили сквозь экран
Деревья, провода, ограды –
И заняли передний план.

Всё только порознь бестолково,
И воедино сведено –
Как фильм Никиты Михалкова,
Где всё, как в жизни и в кино.

И так – до самого момента,
Когда, почти сведя с ума,
Вдруг не иссякнет кинолента,
Дверь – настезь, и уже зима...

* * *

Декабрь вышагивает в гору,
И за делами помним мы:
Над деревнями
В эту пору
Столбятся белые дымы.
Слетает
 изморозь с берёз,
Ярее дни в краю родимом.
И даже в городе
Мороз
Слегка припахивает дымом.

Мотогонки на льду

Ну вот и январь настоящий,
Поспешным шажком под окном
Уже спозаранку скрипящий,
Ядрёный – мороз с молоком.

Рассвет в куржаке, как затмение.
И в нём проступает белей
Цветущего сада виденье:
Извивы кленовых ветвей.

Пред этой работой без пятен
Остолбеневаешь в дверях,
Неистов обман и понятен –
А всё не рассыплется в прах.

К полудню отрывисто-звонки
Все звуки, – за тридевять вёрст
Сегодня слышать: мотогонки! –
И, слышно, с участием звёзд.

На древних пилотов похожи,
Сдирая колёсами лёд,
Наездники в шлемах и коже
Рванулись в виражный полёт.

В овальном котле стадиона
Все двадцать заездов подряд
Спортивные страсти района
Со свистом и паром кипят.

С погодой не вышло ошибки,
Известное дело: и встарь
Катаньями славился шибко
У нас на Урале январь.

* * *

Сорок градусов! – Не плюса. –
Задохнулся и бегу
По путёвке профсоюза
Рейсом солнечным в Баку.

От морозов и от плана!
На стремительном на Ту
Я спасительно и плавно
Набираю высоту.

Буду чинно и невинно,
Сослуживцы, в вашу честь
Пить живительные вина
И мороженое есть.

И осматривать степенно,
Суету стерев с лица,
Исторические стены
Ширваншахского дворца.

Но в гостинице под утро
Раньше я других вскочу,
Хрипловатый репродуктор
На «известиях» включу.

С беспокойством в тщетной ссоре
Буду слушать дни подряд:
«На Урале минус сорок,
Ночью минус пятьдесят...»

А когда вернусь обратно
И примусь за ремесло,
Скажут: – Было жарковато,
Пережили, пронесло...

Кольцово

И взлёт, и посадка, и снова
В кругу скоростей и забот
Меня привлекает Кольцово,
Свердловский аэропорт.

Спасибо за тихое чудо:
Мне грудь наполняет густой,
Невесть долетевший откуда
Медовый сосновый настой.

Рассвет над холмами. И сонно
Под ясным крылом корабля,
Под жёсткой рубашкой бетона
Уральская дышит земля.

И накрепко, смертною хваткой
Причалила здесь небеса
Моя полоса для посадки –
И взлётная полоса.

* * *

Иное поколение людей...
Повадками на нас они походят,
По нашим с вами улицам проходят –
Пока ещё в облики детей.

В тех самых днях, что греют нас и ранят,
В газетах наших, книгах и кино
Для них как бы заложено заранее
Других ростков запевное зерно.

Они в пути. Полны глаза гореньем.
И ждите, ждите, ждите новостей:
Ведь скоростью они и ускореньем
Берут отсчёт от наших скоростей.

Берут отсчёт!.. А путь лежит далече.
И в этот санный, в этот звёздный путь
Мы через их мальчишеские плечи
На цыпочках стремимся заглянуть.

Костры на берегу

Гори, не угасая, жизнь моя,
Я это пламя сердцем стерегу,
И каждый вечер снова вижу я:
Мальчишки жгут костры на берегу!

Стоят – к огню приблизивши тела,
Особый смысл угадывая в нём:
Ведь на земле все главные дела
До сей поры отмечены огнём!

Всё выше свет костров, всё горячей,
Ребьчьих душ начальный жар храня,
Возносится – до доменных печей,
До космоса... До Вечного огня...

Нам жизнь прожить по-разному дано,
Живу – перед мальчишеством в долгу.
И каждый вечер светят мне в окно
Мои костры на дальнем берегу.

* * *

Года уходят в осень –
Всё выше возраст мой
Шутя меня возносит
Над матушкой-землёй.

А тот, кем был я прежде,
Одной любовью сыт,
В мальчишеской одежде
Вослед за мной бежит.

А тот, кем завтра буду,
Отечески браня,
С насмешливой оступой
Взирает на меня.

* * *

Мартовский день февраля –
Взял и проклюнулся вдруг
Из-под метелей и вьюг,
Как из-под снега земля.

В окна глядели с утра
На ледоход облаков –
Что, неужели пора?..
Шаг между луж бестолков.

Хлесткой капли навес,
День высоченно-большой –
Аж до весёлых небес
Не дотянуться душой.

Рощица – розовый дым,
И воробьям благодать.
В тягость и нам зимовать,
Как этим птахам родным.

Экие скорые мы.
Самый срединный февраль.
Весело!.. Вот уж и жаль:
Мало осталось зимы.

* * *

Закипающая капель –
Сок берёзовый
Бело-розовый,
Как апрель.

Да шалаш на семи ветрах.
Да луна на синих ветвях.
Звёзды в небе,
Вода в реке,
Остальное всё в рюкзаке.

Ночное купание

Звезду приметить и пуститься вплавь,
Мгновение помедлив у предела.
Прими, река, натруженное тело,
Расплавь его, а душу мне оставь.

Теряю путы – обретаю связь
С течением бессонно-просторечным,
Как просто – стать невидимым и вечным,
От мостика сырого отстраняюсь.

Пусть обождут в ближайшем далеке
Заботы дней, в расплывчатом и душном.
Ночь дарит утешенье нашим душам –
Быть птицей в небе, рыбою в реке...

Ночлег

Уж за полночь. Приподнялась трава.
Сосновый шум накатывает с ветром.
И облака просвечены едва
Ещё закатом и уже рассветом.

В костре играют жаром угольки.
И в каждый миг становится яснее
Бессонное журчание реки
Под берегом,
 туман тишайший с нею...

Такая рань... Устраивать ночлег
Давно пора. И странно думать вроде,
Что я отнюдь не первый человек,
Светлеющий от близости к природе.

И, может, не во сне, а наяву
Душе легко – так радуются дети...
И я, спасибо матери, живу
На этом белом и зелёном свете.

Наша песня

*Памяти
Бориса Мартюшева*

Уходят люди из угластых комнат
И, затворяя двери, гасят свет.
Их голубой звездой зовёт искомый,
К задачам всем единственный ответ.

Зовёт туда, где сразу за порогом
Среди неувидительного дня
Лежит страна по имени Дорога –
У каждого порога есть она.

А в той стране живут друзья простые,
А к той звезде не выверен маршрут,
К ней не летят лихие мостовые
И лестничные марши не ведут.

Трудна дорога вверх, трудна дорога,
Но кто сказал, что вниз она легка?
Ты до подножья не дошёл немного,
На спуске вниз сорвавшись с ледника.

Тебе навек – уют земли постылый,
Но вечно будет в памяти у нас
Твой памятник – не тот, что над могилой,
А памятником стал тебе Кавказ!

Но бредим мы опять дорогой дальней
И, доверяя комнаты замкам,
С прощальных стен снимаем айсбайли
И плечи подставляем рюкзакам.

Уходим, горькой памяти не скомкав,
И встречные нам долго смотрят вслед:
Их голубой звездой зовёт искомый,
К задачам всем единственный ответ.

1969

Адыл-Су

Погоди, дружище милый,
Ты шагов не торопи:
Альпинистские могилы
Чуть в сторонке от тропы.

В камень врезанное горе.
Над ущельем Адыл-Су
Ослепительные горы
Держат небо навесу.

Чтоб за жизнь цепляться крепко
И прожить её сполна,
Подойдём и, скомкав кепки,
Прочитаем имена.

Воспоминание о горах

С рассветом встать и уложить в рюкзак
По-воински простое снаряженье,
И сквозь тумана внятное сниженье
Навстречу солнцу выйти на большак.

Найти тропу, неведомо когда
И кем пробитую вверх по ущелью,
И в ритм ходьбы, задавшись самоцелью,
Вписаться без особого труда.

Вышагивать себе – и новизну
Вдруг осознать по явственным приметам:
Сойдут луга на нет, и станет лето
Разбегом рек похоже на весну.

Как бы в обратном времени идти –
И ту границу пересечь беспечно,
Где холод высоты обнимет плечи
И где зима настынет на пути.

И осторожно, будто босиком,
Ступить на снег слепяще-непочатый,
Ступить – и с хрустом первый след впечатать
Подкованным шипами башмаком.

И в горле – сердца удержать комок.
Сквозь ветробой – до головокруженья –
Почувствовать земное притяженье
Натруженными мускулами ног.

И задыхаясь, и валясь ничком,
Забыв про всё, что люблю и нелюбо,
За горизонт цепляться ледорубом,
И вдруг понять, что выше – ни-че-го...

Планета островерхая, нагая.
И, выступив на солнечный карниз,
Ошеломлённо оглянуться вниз –
И гроздь гроз увидеть под ногами.

Берёза

В реке ещё приветлива вода.
Упруги мхи
В тени овражных складок.
И вечером и утром воздух сладок,
А летний дождь – досада, не беда.

И где вода просвечена до дна,
Предвестницей недального мороза –
В стене лесов пробоина: одна-
Единственная жёлтая берёза.

Дни августа

Дни августа прощально золотые!
Я сапоги и старый плащ ношу.
Дожди прошли – прохладные, густые.
Траву упругой веткой ворошу,

Ищу грибы. Запутанная нить,
Невнятный запах, тихая отрада –
Ведут меня... Гонцы от листопада
Уже спешат весь лес воспламенить.

Цепляю паутинку ли плечом,
Смотрю с бугра на медленную реку, –
О чём грущу? Да мало ли о чём
Есть погрузить под осень человеку.

* * *

Леса полны последней теплоты.
Опустошённо отдыхают пашни.
Среди лугов, как будто день вчерашний,
Пестреют запоздалые цветы.

С болотин отлетают журавли,
Живые души облагая данью
Прощания... На праздник увяданья –
Как жаль! – остаться с нами не могли.

Сентябрь яснее лета. На заре
Особая торжественность в природе.
И вновь, и вновь, как прежде – в сентябре –
В Россию к нам приходит новогодье.

Всему, что есть, последняя пора
Переступить через границу лета,
И не подвластна очерёдность эта
И росчерку державного пера.

Дела верша на иноземный лад,
Великий Пётр немислимым указом
Календари переиначил разом...
Но вот – сентябрь, как триста лет назад.

* * *

У края зыбкой тишины,
Лицом к осенней непогоде –
Я жду... Друзья приглашены
На золотое новогодье.

Сентябрь, входи в мой дом, гори,
Ты отгорел уж в чистом поле.
Пусть не красны календари,
Вина и песен будет вволю.

Я подобрал на мостовой
Твою кленовую повестку,
Входи! – задёрни за собой
Дождей невнятных занавеску.

Оставь смущение в углу –
Пусть как, что ты промок и зябок –
И хрупким вкусом поздних яблок
Явись торжественно к столу.

Картина

Владимиру Евпатову

Кровать, два стула; комната в Москве,
И в полстены, объята белой рамой,
Горит свеча
До темнотищи самой.
Ах, сколько света может быть в мазке!

Меня её виденье посещает:
И добрым утром, и в вечерней мгле
Присутствует свеча –
И освещает
Любовь, разлуку, книгу на столе...

* * *

В окрестностях всё больше янтаря.
Зелёное всё трепетней и глуше.
И на лету пронизывают душу
Стремительные краски сентября.

И с каждой новой осенью трудней
Унять внезапный холодок по коже:
Их столько было – долгих и погожих,
Что всех теперь и не припомнить дней.

И столько солнца приняла земля,
Что всласть и в срок в круговороте года
Зачать поспела и взрастить природа
И певчих птиц, и травы, и поля.

Окрепла возле речки детвора,
Привыкнув жить всегда на свете белом,
Добро запомнив благодарным телом,
Умом понять – потом придёт пора.

И всё стоит последнее тепло.
Сияет осень отражённым светом.
Когда всё это было? – Прошлым летом.
Цвело, кипело, было и прошло.

* * *

Ну вот и настала погода,
Угасли дожди над жнивьём.
– Идём, эти сумерки года
Отпразднуем нынче вдвоём.

Просёлок до устали долог,
День ветрен и иссиня-чист.
На лапах молоденьких ёлок –
Настрявший берёзовый лист.

Торжественный лёт паутинок,
Такая же тихая грусть –
Что вот завершён поединок
Любви с нелюбовью, и пусть!

Мы разные, в этом и сила,
Что нас безо всякого зла
Сманила, сроднила, срастила –
И за руки прочь развела.

Спасибо на том, что не вечен
Был праздник и неповторим,
Что был я с тобою обвенчан
Единым кольцом годовым.

Лишь ступим из этого круга –
И каждый отсюда пойдём,
Ещё вспоминая друг друга,
Своим невозвратным путём.

Камышловская баллада

М. П. Быкову

От войны в глубоком отдаленье,
За Уралом, средь литых снегов –
Тыловой по новому деленью,
Трёхстолетний город Камышлов.

Залезает на зиму в пимы.
Черпает водицу из Пышмы.
Сплески с вёдер – застывают следом...
С новогодним беспечальным снегом
Смешаны над крышами дымы.

В школе – праздник, хвойный запах лета,
Печи там истоплены уже,
И хватает музыки и света
Возле ёлки – в нижнем этаже.

Веселитесь! Веселитесь тише,
Провожая сорок первый год.
Мимо школы мальчик Быков Миша
С матерью на станцию идёт.

У войны не спросишь расписанья.
Но, заняв последний перегон,
По пути на фронт – с формированья –
В полночь прибывает эшелон...

Колотя по стыкам стылой сталью,
Разметав стальное эхо вширь,
Поезда минуют Зауралье,
Вывозя в сражение Сибирь.

День и ночь – и несть числа и счёта
Тем теплушкам в куржаке крутом,
Где недолгий обживает дом
Наспех испечённая пехота.

...Вдоль состава шум и гвалт такие –
Перекрыть бессильны рупора.
Дозвалась солдатка Евдокия,
Докричалась Быкова Петра.

Снег утопан чёрный на платформе.
Навсегда запоминай, малец:
В валенках и ватнике, по форме,
На ушанке звёздочка – отец!

Лиц родных свечение ночное.
Обнялись – и верят в чудеса...
Нынче им отпущено войною –
Много. Может, целых полчаса.

И навечно отливаясь в горечь,
Их разнимет к расставанью клич.
Мальчик Быков Михаил Петрович,
Пулемётчик Быков Пётр Кузьмич!

Пробил час отваги и печали,
И под женский невозможный вой
Эшелон качнулся и отчалил
Прямо в пекло – в год сорок второй.

Летосчисление

Горели земли, и чернела высь,
И от разрывов закипали реки,
И свет, казалось, кончился навеки,
И реки слёз и крови пролились.

И жизнь над смертью потеряла власть.
И связь времён земных оборвалась.

Но – совершилось; и в конце концов
Сочли убитых... Не сочли тех многих
Безумных и безруких, и безногих,
И всех детей, не помнящих отцов.

Под страшный блеск салюта, вдовый вой
Тогда отсчёт годам был начат снова –
На этот раз не с Рождества Христова,
А от войны последней мировой.

Баллада о блокадном одеяле

И моё рождение означало:
Мне начало и конец войне.
От войны осталось одеяло
В нашем доме – и досталось мне.

Засыпал под ним, колючим, долго
По глухим уральским вечерам,
Глядя треугольный – от осколка,
Крепкой штопкой заживлённый шрам.

Потому причастен Ленинграду,
Никогда не виданному пусть,
Всё про ленинградскую блокаду
Знал я – до слезинки – наизусть.

Знал, как страшно вздрагивали зданья –
Артобстрел, и снова – артобстрел.
Чудом от прямого попаданья
Мамин дом в ту зиму уцелел.

Дед мой умер. Брат, отец и мама
Жили, жили, жили всё равно.
И вместо вышибленной рамы
Одеяло вставили в окно.

А снаряды на излёте выли.
И насквозь промёрзшее сукно
Тем осколком ранило навывлет,
И навывлет – двери заодно.

Выжили – душа осталась в теле.
Выжили потом ещё – на льду
Ладожском, расстрелянном, в апреле –
У страны военной на виду.

Уместились вещи в одеяло.
Не вместиться было той беде.
Будто вся дорога до Урала –
По колёса в ладожской воде...

Я родился. Жили – не тужили.
А году в шестидесятом мне
Одеяло новое купили
И почти забыли о войне.

Чтоб война не помнилась упрямо
И сыновним просьбам вопреки,
Одеяло старенькое мама
Раскроила на половики.

Послевоенная музыка

И будни как праздники были.
Заводы гудками будили.
И мальчики нашей страны
В отцовых пилотках ходили
Лет семь ещё после войны.

Играли в войну с колыбели
И ненависть знали к врагу.
Калеки безногие пели,
Сшибая на водку деньгу.

Нет, ради Христа не просили
Прошедшие смертный огонь, –
Лишь руки их в горестной силе
Охрипшую мяли гармонию!

Им кланялись, в шапки кидали
И комканый рубль, и пятак,
И чисто звенели медали
Заплаканной музыке в такт.

И каждый в отечестве житель,
И даже кто стар или мал,
Себя как народ-победитель
По праву сполна понимал.

Победно! – с утра воскресений
Из окон, распахнутых вон,
Гремел соучастник веселий,
Пирушек лихих – патефон.

И всласть
Об утёсовский голос
Стальная тупилась игла...

Гуляли! Пластинка кололась,
Под пляску скользнув со стола.
И пели! – вздох, как в работе,
И бабы в свой песенный миг
На самой отчаянной ноте
По-вдовьи срывались на крик...

Те криком кричащие души
От болей и ранних смертей –
Всё дальше, всё глубже, всё глуше
За порослью новых людей.

И лишь в озареньях мгновенных
Звучит мне, живущему, вслед
Та музыка – послевоенных,
Неслыханно песенных лет.

Аккордеонист

Кутерьмы, веселья сколько!
И затейник голосист,
И наигрывает «польку»
Старый
Аккордеонист.

Я узнал его... Узнал!
Сын мой, дай-ка оглядеться:
Тот же –
Памятный мне с детства,
Голубой
Высокий зал.

Значит, все-то годы эти
Неприметный чудодей
Жил и жил себе
На свете
Средь игрушек и детей!

...Воспитатели не ввали:
Из страны немецких фей
Перламутровый,
В футляре,
Он с войны привёз трофей.

– В круг дружнее стали, дети!
Будто и не наяву,
Он сидит на табурете
Непричастно
К торжеству.

Как без возраста и плоти,
Сделанный когда-то –
В честь... –
Снимок,
Где на обороте
Буквы стёрлись... не прочесть.

Близорукий и опрятный,
На коленях держит он
Свой громадный,
Свой нарядный,
Громкий свой аккордеон.

К инструменту
Наклонился
И кивает головой,
И совсем не изменился:
Был тогда уже седой.

Однокрылый

Мне в школе нравилась военка,
Мне взрывы снов не леденят...
Иван Калиныч Литвиненко,
Войны минувшей лейтенант!

Сгоревшей сталью пахнут войны.
...В атаке злой октябрьским днём
Вломился в башню броневой –
И сталь и плоть взялись огнём.

И пахла сладко, пахла сладко
Уже подмёрзшая земля.
Хирург в твоей крови. Палатка...
Беспамятство... Госпиталя...

На руку правую похожий,
Он как пожизненный протез –
Твой чёрный, из скрипучей кожи,
В карман заправленный протез.

Да сколько же – подумать страшно,
Какой представится итог, –
Стране понадобилось нашей
Протезов этих – рук и ног.

Иван Калиныч, дядя Ваня...
Всё чаще люди новых лет
Калеке с рукавом в кармане,
Остановясь, посмотрят вслед.

Как век свой прожил? Полной мерой?
А он, как отроду левша,
Без промаха стреляет с левой
И левой в лузу лупит шар.

Лопатит землю – однурукий,
Страда садовая проста.
Снимают Литвиненки-внуки
Смороду-ягоду с куста.

И только время в нём открыло
Ту окончательную статью:
Не однурукий. Однокрылый...
Так люди стали называть.

В армию

Перрон, неровный строй ребят,
Всё так похоже, так знакомо:
Ещё гражданские стоят
Перед бывалым военкомом.
Среди торжественного дня
Он по-отечески невесел.
Уже отхлынула родня
И ждать настроились невесты.
В эпохе нашей – щит и меч,
И год от года в новой силе
Её бессонницу стеречь
Уходит молодость России.
Гармошка, смех, табачный чад.
Вагоны трогаются плавно.
И молча матери кричат,
На сыновей утратив право.
Россия-мать, твои сыны!
Твоё веление простое,
И это – искони святое:
«Служите! Не было б войны...»

Граница

Околица русской земли.
В распадки спускается лето,
Багульника жар фиолетов
На сопках – и сопки вдали.

В излучах искрится река,
Разъявшая эти пространства,
Другого за ней государства –
Деревья, холмы, облака.

К полуночи вызреют грозы.
Я даже представить могу,
Как завтра займутся берёзы
Листою на том берегу,

А с нашего птица взовьётся, –
И всё отразится в реке,
И всё за рекой отзовется –
Уже на чужом языке.

1983,
застава Джалинда

* * *

Нет ходу, нет лёту, нет броду.
По хвое – берёзок мазки.
Гляжу в разъярённую воду
Высокой весенней реки.

Обличьем два берега схожи.
Похожи, откуда ни глянь,
И сопки, и сосны – и всё же
Вот здесь и отчества грань.

И вижу: круты повороты
Истории – в бровку земли
Тяжелобетонные доты
Шеломами насмерть вросли.

У этих пределов последних,
Где самая крайняя пядь,
Своих девятнадцатилетних
Поставила Родина-мать.

В наряд заступают ребята,
И сразу весна ни при чём,
И чёрен зрачок автомата
За правым солдатским плечом.

1983,
застава Джалинда

Баллада о последних фронтовиках

Ф. Ф. Синицину

У них все в классе бредили войной:
Туда же – за убитыми отцами,
На фронт, на фронт! – поспеть хотели сами,
А год рожденья был непризывной.

И двое упросили военкома,
Угрюмой ранней взрослостью сильны.
Был день весны, когда ушли из дома,
Как раз догнав
Последний год войны.

Хватило им и ярости, и боли,
И городов ненашенной земли,
Пройти которых не успели в школе, –
Они их пёхом – накрепко – прошли!

Круша людей, пахали землю взрывы.
Но всех немецких бомб, снарядов, мин,
Знать, было мало, – и остались живы.
И возмужали. И вошли в Берлин –

В дыму пожаров, грохоте и гуле.
Проломы окон... Щебень площадей...
И кровь утёрли, и в глаза взглянули
Их стариков, их женщин, их детей.

Совсем не так, как жаждалось и мнилось,
Когда своя пылала сторона:
Чего уж там... Сменили гнев на милость.
Чего уж там... Закончилась война.

Житьё-бытьё бесхитрое наше,
Дивясь, сравнили с выправкой – у них...
С войны пришли – на жизнь, казалось, старше
Невоевавших сверстников своих.

А дальше... дальше? Вечером – за парты,
Наутро – в цех; освоили дела,
И просто от зарплаты до зарплаты
Жизнь в обрётённом мире потекла.

А там, глядишь, своих детей подняли,
А там и льготы выдала страна.
И перестали надевать медали –
К чему? Давно закончилась война.

Лишь в День Победы, поминая павших,
В несчётный раз расскажут о былом.
И нет давно раздела за столом
На воевавших
И не воевавших.

Живая жизнь сравнила их, выходит:
Уже и те и эти – старики.
На пенсию по возрасту выходят
Последние у нас фронтовики.

Жизнь прожита – и прожили неплохо,
Какая вышла – и была любя.
И вся на том отдельная судьба,
И вся на этом целая эпоха.

Воспоминание об авиации

Сапогами по плацу бацая,
Я вхожу в поворот судьбы.
Начинается авиация –
Не подумаете! – с ходьбы.

Плац полка – наше поле ровное.
Пашем, ратаи, не дай бог.
(Ах, как были наполированы
Тридцать новеньких пар сапог.)

Наши юные, злые, двужильные,
По команде протяжной: – Взво-од!.. –
Замирают тела пружинные,
Как поставленные на взвод.

– Шаго-о-ом!.. – пауза, –
 ...арш! – и будто бы
Спуск нажал старшина, и – ах! –
Ударяют в асфальт обутками
Тридцать левых в единый мах.

Мы едины до малой малости.
А когда уже через край
Побратавшей нас всех усталости:
– Авиация!.. Запевай!

И поём, и шагаем истово,
Путь – высок, а наперерез
Яснокрылые, серебристые –
Осыпают мороз с небес.

* * *

Земля, она лишь для начала –
Пока, прощаясь тяжело,
С напрасной цепкостью причала
Бежит бетонка под крыло.

Но, синеву срывая с ветра,
Машина впишет нас – пора! –
В простор безоблачного света
Широким росчерком пера.

И в детской радости полёта
Похорошев лицом, пилот
Смахнёт со лба крупинки пота,
Но прежде дух переведёт.

И даль – во все края без края...
И отчуждённо – с высоты
Теперь глядим, припоминая
Неразличимые черты...

Танки на пьедесталах

Мы с ним погодки. И нежно
Касаюсь ладонью брони:
Бессмертной, уральской, железной
Надёжнее нету родни.

Ваяние рук человека –
Была лаконично проста
В глазах потрясённого века
Скульптурная их красота.

Над Волгой, Днепром... Под Москвою...
Им так и остаться в веках –
В окалине смертного боя,
На тех огневых рубежах.

Мне ночью не снятся сраженья.
Но видится долгий парад:
Машины приходят в движение
И строятся, строятся в ряд...

* * *

Дорога лесная, прямая.
Дорога в полях, васильки.
Устану – меня принимает
Блескучее тело реки.

Глаза закрываю – и сосны
Над плавной текучестью вод
В снопах раскосмаченных солнца
Взмывают, кренясь, в небосвод.

И чуден, и горько-несносен,
Примешивается без конца
К могучему выдоху сосен
Морозный душок чабреца.

Каток

Кружащийся диск полутьмы,
Озвученный пением стали!
Каток, мы твоими детьми
Остались, остались, остались.

И годы раскручены вспять,
И это – доступное средство:
За мокрую варежку взять
Свое позабытое детство.

Ах, сердце, постой же, не трусь!
И сладкое вдруг ожиданье:
Сейчас я... сейчас я решусь
Впервые назначить свиданье.

* * *

Пустынен берег моря в феврале,
Ещё в покое ветер южных странствий,
И я живу в озвученном пространстве
На голубой предсолнечной земле.

По мокрой гальке кедами скользя,
Бреду близ белой линии прибоя.
Мечтать о чём наедине с собою? –
О чём с другими помечтать нельзя.

Мне вычерчена белая стезя,
Фантазии счастливой не перечу:
Есть человек, что мне идёт навстречу,
По мокрой гальке кедами скользя...

Когда бедовый отпускной народ
Забредит морем: отдыхай и грейся, –
Тела и души к берегу прибьёт,
И к югу в дополнительные рейсы
Поднимет корабли Аэрофлот,

Тогда – сезон, тогда неумолимо
Связующая оборвётся нить,
И в человеке, проходящем мимо,
Мне самого себя не различить.

* * *

И сыпал тихий снег
На тихие поля...
Как будто в белом сне,
Была бела земля.

А где-то стороной
Шагал неслышный март;
Что нет тебя со мной,
Он был не виноват.

И повторяя дни,
Когда дружили мы,
Кружили две лыжни
Посреди зимы...

К вопросу о земледелии в России

Первому Президенту

Нынче всякий российский сверчок
Получил свой земельный клочок,
Поменял на лопату смычок –
И молчок.
Не за совесть трудились, за страх.
Потому и не вышло оплошки.
То-то будет картошки, моркошки
В самодельных моих закромах.
Этот мир из подобностей соткан.
И какой есть тому прецедент:
Даже сам господин Президент –
Сам – свою президентскую сотку!
Даже сам господин Президент...
(Представляете царственный профиль:
В самый раз для чеканки монет...)
Знатный, стало быть, выйдет картофель.
Под холодным осенним дождём
Мы ещё помирать подождём.
По морозцу заквасим капустку.
В общем, будет чего на закуску.
А на водку, даст бог, наживём.

* * *

Лето в самом начале,
Так земля хороша –
Ни единой печали
Не припомнит душа.

Цвет мать-мачехи ярок –
Солнцепёком в лугу.
Мокрой льдины огарок
На речном берегу.

Удят с берега дети
Голубых пескарят.
– А давно вы на свете?
– А всегда, – говорят.

Смерть ходила по кругу
И – такие дела –
Нынче выпала другу,
А меня обошла.

Все мы – вечные дети,
Видно, есть про запас
За мгновенье до смерти
Чувство вечности в нас.

Рубцов, 1967 год

*Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать.*

Н. Рубцов

На человеке невысоком
(Судьба... поди её спроси!)
Сошлась как будто ненароком,
Как свет, поэзия Руси.

И – законный полдень вешний.
И свету этому в ответ
В глазах его стоял нездешний,
Как будто предвечерний свет.

Желая и страшась отсрочки
И без дыхания почти
Свои неловкие листочки
Я протянул ему: – Прочти...

Стихи задумчиво листая,
Теряя разговора нить,
Взглянул в окно: – Жара какая!
Пойдём, здесь рядом, пиво пить.

Его любили лес и поле,
Все веси матушки-земли.
Его в пивной любили: – Коля! –
Окликнули и увели.

Он улыбнулся, не обидел:
– Ещё сойдёмся, не беда.
И больше я его не видел
И не увижу никогда.

Его леса, поля и веси
Заголосят по нём навзрыд –
И если будет он безвестен,
И если будет знаменит.

* * *

Памяти Коваленкова

Александр Александрович,
Вы не дорассказали...
Прогремел за дверьми
Торопливый звонок.
В Доме Герцена, в маленьком актовом зале
Шёл урок мастерства, –
Не закончился этот урок.

Вы, сутулясь, ушли – так всегда уходили, бывало.
И накрапывал дождь
Вслед усталым, усталым шагам,
Затухала листва на аллеях Тверского бульвара
И доверчиво липла к сияющим башмакам.

Каждой осенью вновь беспощадно стареют поэты.
Говорите растяжно. Поэт – на слова бережлив.
Вот и вы... никогда не воротитесь, этой
Затянувшейся осени
Не пережив.

Просто:
Страница-жизнь покидает привычные лица.
Но гремит за дверьми
Торопливый звонок.
Александр Александрович,
Как минута молчания длится!
Ваш урок.
Никогда не закончится этот урок.

Ясная Поляна

Неутомимо шаркаем по дну
Аллей столетних. Лист роняют клёны,
И солнце через стиснутые кроны
Отвесно проникает в глубину.

Вдруг слушаюсь желанья: пересечь
Посыпанные гравием маршруты.
За шумом осени стихает речь,
И мне навстречу не бегут минуты.

День обморочно-ясен, свеж – владей,
Бери и пробуй – голосом, рукою.
Вон мальчики торопят лошадей
По скошенному лугу за рекою,

Вон грибники... И чудится: вот-вот
Старик бессмертный – здесь его угодья –
Проедет шагом, опустив поводья,
В рубахе белой и белобород.

Здесь мир его, печаль его и суд.
И прочь влечёт душевное томленье –
Туда, где указатели спасут
И верное укажут направление.

И ветки ударяют по лицу,
И скошенные травы пахнут пряно,
Летит тысячелетие к концу,
Сентябрь за полдень, Ясная Поляна...

Из Ахмеда Адила

С татарского

Порывистый танец весны!
И грусть уходящего лета.
И сердцу до боли ясны
Родимого края приметы.

Признаний слова позабудь,
Люби и не требуй ответа.
Частицею Родины будь –
Травы, листопада и ветра...

Церковь в Смолино

Вдосталь под куполами горластыми
Поаукалось: «иже еси...»...
Сколько нынче их – птичьими царствами –
По холмам деревенской Руси...

На ступени, от дождиков гладкие,
Поднялась по разломам трава.
Тропки мимо бегут, но с оглядкой:
Бога нету, а память жива.

Жаль, не жаль, но отпели церковники.
Жаль, что кинулись сгоряча
Кирпичи разбирать на коровники.
Только – проку с того кирпича...

Видно, знали строители прежние,
Как в раствор, чтоб держал на века,
Замесить и труда, и прилежности,
И яичного, что ли, желтка.

Над веками прозрений и косности
Столько выбрали высоты,
Чтоб видать – хоть из ближнего космоса,
Хоть с бегущей полями версты.

Стародавнее русское зодчество,
В небеса устремлённая стать.
Есть у каждого имени отчество,
Так не нам же про то забывать.

Похороны Шукшина

Хоронили Шукшина:
Жил, тужил – и вот не стало.
Вкруг московского квартала
Протянулась тишина.

В этот светлый день была
Тишина такой холодной –
Нескончаемой колонной
Прибывала и текла...

– Граждане, по трое в ряд!..
Скорбны милиционеры,
Скорбно принимают меры
И порядочек блюстят –
Только пуговки блестят.

(Все дела такого рода
При стечении народа
Нарушением грозят...)

Увеличенный портрет
В затемнённом вестибюле.
А в почётном карауле
Многих самых знатных – нет.

Нет в газетах некролога, –
Кто подскажет ради Бога:
Помещать, не помещать?
Знать, судили так ребята:
Для актёра – многовато,
Для писателя – как знать...

А покойный был остёр,
Не придерживался правил,
Сам – писал,
И сам же – ставил,
Сам собою был актёр.

Прекращают доступ к телу.
Похороны – тоже дело,
Потому и быть оно
По регламенту должно.

Вот сейчас закроют двери,
Вот сейчас... Чего гадать –
ВСЮ

ВЕЛИЧИНУ

ПОТЕРИ

И начнём осознавать!

* * *

Твардовский на Гагарина похож:
Тот, помоложе – на военном снимке.
...Высокие над ними флаги сникли.
Стекла по складкам траурная дрожь...

Нет, не до полной копии лица.
Скорей, как старший – на меньшого брата:
В одни лета, в былые дни когда-то;
Такой же взгляд – ещё не мудреца.

И всё ж откуда эта параллель,
Сперва в душе намеченная зыбко?..
Обоим шла открытая улыбка
И ладная армейская шинель.

Случайный снимок из военных лет,
Он сам собой истории достоин.
Становится у нас поэтом воин,
А уж война, то воином – поэт.

Мальчишкам из смоленских деревень
Какие песни матери напели,
Чтоб встали в рост
При самом главном деле:
В счастливейший девятый майский день
И в тот навек двенадцатый, в апреле?

Родные люди, как они смогли
Подняться от корней, влекущих глухо,
От этой чёрной отческой земли
К вершинам человеческого духа?

Но тем особа русская земля,
Что нам с неё открыта вся планета:
В иллюминатор
Космокорабля,
В окно писательского кабинета.

Душа народа копит до поры
Прозрение, как силу – хлебный колос.
Поэт народный – это как прорыв
Души народа в будущее, в космос.

Когда поэт умом народным прав,
Когда пора свершить слова настала,
Ему нет права отступить, смолчав,
Как космонавту – отступить со старта.

Потомки и рассудят, и поймут:
Сердца какие и какие нервы
Сгорели там – чтоб высветить маршрут
И быть на том маршруте самым первым;

Как выжить – в том заоблачном пути,
Которому обязаны жестоко
За право катастрофное – уйти
В небытие до жизненного срока...

Нам памятно до края дней своих:
Порой и почесть, и хула – лукавы...
Мы стали современниками их
Прижизненной
И вот посмертной славы.

Их с нами нет. К чему теперь? И всё ж –
Я всё о том: Твардовский и Гагарин...
Он стал бы на Твардовского похож,
Когда бы дожил, этот звёздный парень.

* * *

Шаги мои раскованно тихи.
Дорога в лес мне исстари знакома.
За камышовой кромкой водоёма
Уже не тонут светлые штрихи.

По дну корзины – рыжиков огонь.
На дне души теснятся птичьи крики.
И капельки засохшей земляники
Вдруг невесомо падают в ладонь.

К ручью склоняюсь, и горька водица.
Так пыльный путник на исходе дня
Из-под руки заглядывает в лица:
– Я здесь бывал, вы помните меня?

О красоте

Хорошо сработанное тело, –
Оттого и жаль: не на века.
Глядь, уже полжизни пролетело.
Вот и посошок у старика.

Не скупясь на муки и блаженство,
Вечную вынашивая стать,
Ищет в нас природа совершенство
И сумеет – может – отыскать.

Красота – чтоб старостью увечить,
Чтобы преклоняться – красота,
Чтоб ещё на миг увековечить
Линии бедра и живота.

Вот мы – в бронзе, мраморе, граните,
Как живые, только... Хоть кричи.
Красоту живую сохраните,
Мудрецы, ваятели, врачи!

Да, неистребимы. Да, несметны.
Хорошо дожить бы лет до ста.
Может, оттого лишь, что мы смертны,
И бессмертна в мире красота.

Илье

И. Н.

Дуреет воздух от шмелиных пуль,
Июнь переливается в июль,
Июль переливается в Илью;
Позволь, мой друг, и я тебе налью
Несовершеннолетнего вина –
Не допяна, ведь и моя вина
В том, что в твои сегодня двадцать лет
Ты – всё ребёнок, и ещё – поэт,
Что на Руси повязано жестоко
С земным предназначением пророка.

* * *

Шорох, запах прошлогодней прели,
Птичье шепотное новоселье.
Выпал день срединного апреля:
Голубой, высокий, воскресенье.

Засветился на прибрежном склоне
Одуванчик – птичка-невеличка,
Будто у мальчишки на ладони
Хрупкое пасхальное яичко.

Будет лето, ягода-клубника.
Вьётся пар над прошлогодней пашней.
Вот и я от мала до велика –
Завтрашний, сегодняшний, вчерашний.

Пункт первый: «Каплунов всегда прав»

Шестнадцать социотипов выделила наука соционика для определения наших характеров. Чтобы удобней различать их, каждому даны имена: Жуков, Королёв, Джек Лондон... Председатель Каменск-Уральского литературного объединения Юрий Михайлович Каплунов по социотипу – Цезарь, то есть – личность крупного масштаба. Лидер. Из тех, кто чётко видит цель и запрограммирован на её достижение. Такие люди – прекрасные ораторы. А поскольку при этом они опираются не только на ум и опыт, но и на эмоции, ощущения, то умеют зажечь других, увлечь за собой.

Для справки. Именно Каплунов в своё время «продавил» в Союзе писателей и администрации города амбициозную идею провести в Каменске Всеуральское совещание молодых писателей. А проведение у нас через несколько лет и Всероссийского совещания стало уже оценкой того, что увидели здесь москвичи и уральцы в первый раз. И издание сначала поэтического «семи-книжия» под общей суперобложкой, да ещё в самые тяжёлые времена на излёте перестройки, а затем – и десяти отдельных сборников каменских поэтов тоже случилось с его подачи.

Словом, как «генератор идей», Цезарь – социотип ценнейший. К сожалению, идёт он к намеченной цели напролом, нередко и не замечая, что кого-то по дороге толкнул, обидел. Так что поссориться с ним – пара пустяков.

Автор же этих строк, скажем так, – вовсе не из числа послушного Цезарю войска. К тому же и поводов для конфликтов у нас хватает. То вместе готовимся к совещанию молодых писателей, то к очередному Рождественскому

поэтическому конкурсу, то обсуждаем творчество того или иного претендента на победу...

Каплунов априори определит для себя цель – и нередко начинает «давить авторитетом» на членов жюри. А я такого «давежа» не приемлю по характеру. При этом по цезарской привычке любит Юрий Михайлович свалить разную подготавливательную «мелочишку» на плечи других. А кому это понравится? Глядишь – и сшиблись мы опять лоб в лоб, и потом долго, бочком, бочком движемся навстречу друг другу по дорожке примирения: вместе-то – тесно, а врозь – скучно. Да и что с Каплунова взять? Одно слово – Цезарь.

Общаться с ним вообще непросто. В том числе – и тем, кто ходит на его занятия в литературное объединение. Спору нет, учитель будущих литераторов должен, прежде всего, сам иметь уже осуществлённый литературный талант (читай – осуществлённый в газетных, журнальных, книжных публикациях). Тогда он вправе судить о качестве произведений своих учеников.

Для справки. Кроме публикаций в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Юность», «Молодая гвардия», альманахах, коллективных сборниках и антологиях, вышедших в Москве и на Урале, на книжной полке Каплунова – три собственных поэтических сборника: «Золотое новогодье», «Послевоенная музыка» и «Летосчисление»...

За спиной Каплунова – замечательная школа прежнего руководителя нашего литобъединения, известного поэта Николая Яковлевича Мережникова, затем – Литературный институт и, наконец, многочисленные публикации собственных, признанных и отмеченных читателями и критиками, стихов. Так что моральное право – быть учителем новых поколений каменских поэтов – у него, несомненно, есть.

Одна беда: в отличие от мягкого, деликатного Николая Яковлевича, – жестковат Каплунов. По собственному

опыту знаю: ох как не любит он, когда с ним спорят! Неписаное правило тут таково. Пункт первый: Каплунов всегда прав. Пункт второй: если ты не согласен с ним, смотри пункт первый. Будешь дальше спорить – Каплунов разозлится. А злой Каплунов – это тебе не красивый, задумчивый поэт с портрета на стенке. Человеку, спорящему с Каплуновым, не позавидуешь. А как не спорить, если для поэта, особенно начинающего, каждая строчка дорога?! Случается, и жалуются на него иные члены литобъединения. Начнёшь выговаривать ему, не соглашается: «Что ты из меня монстра делаешь? Вовсе я не навязываю им своё мнение! Даю и самим возможность подумать, и другим высказаться...»

Впрочем, по поводу жёсткости требований к качеству стиха у Каплунова – свои резоны: «Некоторым кажется, что творческая планка у нас поставлена слишком высоко. Да, перемахнуть через неё могут не все и не сразу. Но таких, для кого мои требования приемлемы, – всё больше. Неслучайно в нашем, не самом великом, городе – уже 12 членов Союза писателей. То есть официально признано, что эти 12 человек работают на уровне профессиональной российской литературы. А ведь девять из них выросли в Каменске уже после Мережникова...»

Ну что тут скажешь! Есть, есть у Юрия Михайловича такое в характере: любит он лишний раз подчеркнуть свои заслуги и достижения. А, с другой стороны, почему и не подчеркнуть, если они действительно есть?! Ведь именно благодаря каплуновской идее Рождественских конкурсов мы узнали поэтические имена Фёдоровой, Санниковой, Паздникова, молодых Шалобаевых и другие. А такие поэты, как Устюгов, Торопов, Черников, обязаны Каплунову и своим становлением.

Когда задача – «выход годного»

«Как руководитель литобъединения, я своей задачей ставлю так называемый “выход годного”, – поясняет Юрий Михайлович. – В литературе это означает выход книги. В нашем случае он предполагает тщательный отбор и редактирование стихов, которые в неё когда-нибудь войдут. Пусть они – пока ещё на стадии беспомощной рукописи. Но редакторское дело – жестокое. Без профессиональной, то есть – суровой редактуры (для меня это – одно и то же) появление качественной книги начинающего автора невозможно. Сейчас, конечно, такие времена, когда книжки не только без редакторской, но даже и без корректорской правки выходят. Автор гордится: “У меня сборник вышел!” А гордиться-то – чем? Немыслимое количество грубейших орфографических ошибок, не говоря уже о лексических, синтаксических и прочих. При этом общий уровень стихов или прозы – уровень самого плохого самиздата. Вся и разница, что нашлись деньги в типографии напечатать.

Пытаешься подсказать – заявляют о нарушении “авторского права”. Очень трудно преодолевать это слепое сопротивление. Приходится объяснять, что нужно воспитывать в себе “внутреннего редактора”, учиться различать, когда действительно стоит отстаивать собственное видение стиха, а когда сказать спасибо товарищам по поэтическому цеху за удачное слово, строчку, за умное сокращение.

В своё время нам страшно повезло, что литобъединением руководил Николай Яковлевич Мережников. Он ввёл принцип литературной учёбы. При обсуждении были исключены оценки типа “а мне нравится”, позиция: “Я сегодня тебя похваляю, а завтра – ты меня”. И в то же время не было такого, что “затоптать”. Шла придиричавая, но доброжелательная работа. Мы вместе искали

и предлагали свои варианты: как “довернуть” сюжет обсуждаемого стихотворения, доработать строфику. (После оказалось, что в главной литературной школе страны – Литературном институте – работа над стихами построена по этому же принципу!)

Помню, как Мережников, готовя стихотворение “Шуга” для журнала “Урал”, изменил мою строчку на свою: “Настынет в заберегах лёд”. Я и слова-то такого – “забереги” – не знал. Можно было на дыбы подняться: “Не моё!” Но я-то понимал уже, что это – рука мастера! Причём – настроенного со мной на одну “частоту”, так что стихотворение от такой правки только выиграло. Много лет назад ещё совсем юный Устюгов, читая моё новое стихотворение, посоветовал заменить строчку “Выцвели глаза у старика” на более ёмкую: “Вот и посошок у старика”. Я прислушался. А сколько лет мы с тобой, Буйносова, на одной “волне” работаем?! То я тебе интересный “ходок” или строчку подсказываю, то ты – мне. До сих пор благодарен тебе за стихотворение о деревенских церквях. Если помнишь, по твоей подсказке я сумел как бы с высоты и со стороны, более масштабно взглянуть на эти церквушки:

Над веками прозрений и косности
Столько выбрали высоты,
Что видать – хоть из ближнего космоса,
Хоть с бегущей полями версты».

...И он проснулся знаменитым

Суровый редакторский нрав Каплунова становится более понятным, когда узнаёшь, что ещё в юности этот Цезарь поставил перед собой цель: ни много ни мало – прибавить имя никому не известного города Каменск-

Уральский к поэтическому полю России, сделать это имя узнаваемым.

«Был у нас дома ламповый приёмничек. На шкале написано: “Москва... Париж... Лондон”. (В войну эти приёмники заставили сдать, а после войны вернули.) И вот каждое утро оттуда бодрым голосом объявляют: “Говорит Москва”. Я маму спрашиваю: “А почему только Москва говорит? Почему наш Каменск не говорит?” Так мне было обидно за свой город. И потом, когда мои стихи стали публиковать в “Литературной газете”, в “Литературной России”, в журнале “Юность”, я всегда требовал, чтобы рядом с моим именем обязательно указывали: “Город Каменск-Уральский”».

(А теперь представьте картинку. Торжественный голос Левитана каждый час сообщает по радио о том, что в космосе – советский космический корабль с третьим космонавтом на борту. И каждый раз после этого на весь Союз читают стихотворение молодого каменского поэта Юрия Каплунова, которое так и называется – «Третий». Оно было написано и отправлено в «Комсомольскую правду», когда о третьем полёте человека в космос мы только мечтали. И вот – свершилось! А журналисты газеты и радио в тесной связке работали, и готовое стихотворение «в тему» у кого-то под рукой оказалось... Словом, в то утро Каплунов проснулся знаменитым.)

Ехал Гоголь из... блокады

Элемент удачи – одна из важных составляющих на пути к известности многих творческих людей. Каплунов – не исключение. В алюминиевом техникуме ему повезло на преподавателя литературы, сумевшего оценить молодое дарование; в армии – на офицеров, не только разглядевших поэтический талант солдата, но и благосклонно

разрешивших ему выступать на местном телевидении (причём – в гражданской одежде). Позже Юрий Михайлович скажет об армейском отрезке своей жизни так: «Многие мои сверстники считали эти три года потерянными. А для меня это была интересная и полезная творческая командировка. Её результат – стихи об армии».

Но самой первой, самой главной своей удачей, определившей будущие успехи, поэт считает влияние семьи, в которой вырос.

«В 1943 году строительный трест отца из Ленинграда эвакуировали на Урал. (Отец был начальником эшелона.) Так семья попала в Каменск, где я и родился за несколько месяцев до конца войны. Мама и старший брат жили мыслью, что разрешат вернуться. Однако партийного отца не отпускали. А в 1947 году выяснилось, что наша уцелевшая при бомбёжках квартира уже занята.

Мы остались в Каменске. Но некий особенный “привкус” Северной столицы чувствовался всегда. Домашние постоянно вспоминали про тамошние музеи и театры, рассказывали, какие спектакли смотрели, кто тогда играл. (Кстати, когда я однажды приехал к сестре отца в Ленинград, она первым делом позаботилась о пополнении моего интеллектуального багажа – мне были приготовлены билеты во все театры и музеи города.)

Семья у нас была читающая. Мама читала даже за обедом. Чтение было любимым занятием и у старшего брата. В эвакуацию смогли взять с собой только то, что уместилось на саночках. И родители в числе самых необходимых вещей привезли... книги Гоголя в старинном оформлении и толстенную подшивку “Огонька” за 1936–1939 годы... Получив свою первую зарплату, брат сказал: “Мама, давай купим Пушкина”. Это было чудесное, ещё довоенное издание, с шикарными иллюстрациями, переложенными папиросной бумагой. С него семья начала восстанавли-

вать домашнюю библиотеку, потерянную в войну. В такой обстановке я не мог не пристраститься к чтению.

Как многие в те годы, я стал “копить” открытки – цветы, портреты актёров... Брат посоветовал: “Не разбрасывайся. Выбери какое-то одно направление – например, открытки с репродукциями картин известных художников. И интересно, и полезно”. И я так этим увлёкся, столько собрал репродукций, что потом преподаватель искусствоведения в Литературном институте удивлялся: парень из провинциального города разбирается в живописи лучше, чем студенты из самой столицы. Я с первого взгляда определял: “Репин... Крамской... Куинджи... Левитан... Прянишников... Корзухин”.

Когда я перешёл в седьмой класс, преподаватель географии предложил нам совершить поход по Уралу. Нужны невеликие, но всё же – деньги. А их надо изъять из семейного бюджета. Слышу, как отец с матерью разговаривают на кухне: “Давай уж отправим его. Парень стихи пишет. Может, ему пригодится”.

Первые стихи я начал придумывать, когда ещё не умел писать. Записывала их мама. Позже, увидев, насколько серьёзно это моё увлечение, отец подарил мне на день рождения роскошнейшую по тем временам вещь – авторучку».

...Домашнее воспитание дополнили занятия в литературном объединении, куда второклассника Юру Каплунова привёл за руку отец. Когда Николай Яковлевич Мережников посоветовал Юре писать стихи о природе, он не мог и представить себе, в какую страсть превратятся вскоре первые попытки воспитанника исполнить его совет. Походы за берёзовым соком, за грибами, ночёвки у костра в палатках и под открытым небом. На Урале, на Кавказе, на Памире. Природа – благодатнейшая тема, где поэт Каплунов в полной мере отыгрался за обидное отсутствие

таланта к рисованию. Сочными мазками слов изображает он теперь всё то, что не в состоянии нарисовать кистью. Чего стоит строчка: «...Лишь светит над холодной пашней желток соломенной копны»!

Горькая и грозная муза

И всё-таки, на мой взгляд, самое мощное, самое лучшее из всего написанного Каплуновым – о войне. Война, война... Живёт в нас и мучает нас эта горькая и грозная муза нашего поколения.

«Всё про ленинградскую блокаду знал я – до слезинки – наизусть», – годы спустя напишет поэт Каплунов, никогда не видевший военного Ленинграда. Война для него – это его, тогда ещё пятилетний, брат, вывезенный из осаждённого города дальней родственницей в эшелоне со школьниками. В том самом эшелоне, который разбомбили по дороге. И это – подвиг матери, которая не поверила, что сын погиб, и пешком, через линию фронта прошла весь путь по следу того эшелона. Прошла, нашла сынишку уже в немецком тылу и на руках принесла обратно в блокадный Ленинград. И это – умерший от голода дед, и суп из столярного клея, который ела тогда семья (дед был столяром), и слабеющий голосок брата, который уговаривал отца: «Давай, я сегодня съем твой хлеб, а завтра ты – мой», и «поленница» белых замёрзших трупов напротив окон дома, возле школы-госпиталя...

На мой взгляд, именно война и есть то главное, что с детства горело в душе поэта, свербело, царапалось в его мозговых извилинах, пока не вылилось в мощные строки:

Горели земли, и чернела высь,
И от разрывов закипали реки,
И свет, казалось, кончился навеки,
И реки слёз и крови пролились.

И жизнь над смертью потеряла власть.
И связь времён земных оборвалась.

Но – совершилось; и в конце концов
Сочли убитых... Не сочли тех многих
Безумных и безруких, и безногих,
И всех детей, не помнящих отцов.

Под страшный блеск салюта, вдовий вой
Тогда отсчёт годам был начат снова –
На этот раз не с Рождества Христова,
А от войны последней мировой.

ТАК увидеть, ТАК оценить и ТАК масштабно показать огромный, трагический срез мировой истории, как это сделал Каплунов в стихотворении «Летосчисление», удалось далеко не многим поэтам нашего поколения. Чтобы написать ТАК, мало быть профессионалом. Надо ещё всем сердцем ощутить, понять, прочувствовать искалеченные войной судьбы.

...В самый Новый год, на станции, где «поезда минуют Зауралье, вывозя в сражение Сибирь», мечутся ночью вдоль воинского эшелона герои «Камышловской баллады» – маленький Миша Быков и солдатка Евдокия, отчаянно пытаясь «докричаться» до солдата Быкова Петра. И вот «дозвались», «докричались». И «было им отпущено войною – много, может, целых полчаса», но...

...Пробил час отваги и печали,
И под женский невозможный вой
Эшелон качнулся и отчалил
Прямо в пекло – в год сорок второй.

А вот стихотворение о блокадном одеяле. Под ним, этим вещественным свидетельством войны, засыпал будущий поэт «по глухим уральским вечерам, глядя треугольный – от осколка, крепкой штопкой заживлённый шрам»!

«Послевоенная музыка»! В те, как сказал поэт, «неслыханно песенные» годы звучала она по вагонам, где безногие калеки «на водку сшибали деньгу».

Нет, ради Христа не просили
Прошедшие смертный огонь, –
Лишь руки их в горестной силе
Охрипшую мяли гармонь!

Им кланялись, в шапки кидали
И комканый рубль, и пятак,
И чисто звенели медали
Заплаканной музыке в такт.

«...И всласть об утёсовский голос стальная тупилась игла» на всенародных лихих послевоенных пирушках, и «бабы в свой песенный миг на самой отчаянной ноте по-вдовьи срывались на крик»!

Минимум слов, максимум ярких, точных, запоминающихся штрихов и деталей. Работа мастера.

...Отец Юрия Михайловича – Михаил Маркович Каплунов – строил наш город. Дело его рук – и ДК УАЗа, и нынешний драмтеатр, и Байновский мост, и вся улица Алюминиевая. Член Союза писателей России

Ю. М. Каплунов гордится тем, что живёт в этом городе. И не просто гордится. В далёкой юности он решил сделать Каменск знаменитым и все эти годы настырно, упрямо добивался этого. И если сегодня на страницах серьёзного литературного журнала говорят о «Каменской поэтической аномалии», если в Союзе писателей Каменск-Уральский называют одним из литературных центров России, значит, можно говорить о том, что нашему Цезарю это удалось.

**Нина БУЙНОСОВА,
член Союза писателей России,
почётный гражданин города Каменска-Уральского**

Содержание

Шуга	5
«Уже изобретён велосипед...»	6
«Мы шли сквозь лес...»	7
О высшей математике	8
Художник	9
В марте.	10
«Я понимаю, я понимаю...»	11
Апрельский дождь	12
Пригород	13
«Пора снимать с гвоздей велосипед...»	14
Черёмуха.	15
Запретная зона	16
У костра	18
Другу	19
Рассказань	20
«Ветер светлые ветви полощет...»	22
«Мы проснулись в минуту одну...»	23
Родник	24
Осень в Смолино	25
На закате	26
ПЛАТФОРМА «ЦИОЛКОВСКАЯ»	27
Третий	27
Комаров	28
Платформа «Циолковская»	28
Утро в Звёздном	29
«В это вложена бездна труда...»	29
«С пригретых пригорков...»	31
«Помаши кораблю...»	32
«Проходят дни, приходят времена...»	33

К снегу	34
«Речонка радостно летела...»	35
Набросок января	36
Зимнее утро	38
Горячий стаж	39
У моря	40
Дорога в марте	41
«Вьюги зиму пропели...»	42
Марши	43
«Вот так: всю жизнь отдать заводу...»	44
«Уральский город – из деревни...»	45
«Сынишка наш в смятении великом...»	47
Летний вечер	48
«И усталость пришла наконец...»	50
Дорога в июне	51
В ГОРАХ ТАДЖИКИСТАНА	52
«Меня перегоняли облака...»	52
«А горы непомерно высоки...»	52
Искандеркуль	54
Я дома!	55
«Так бывает иногда...»	56
«А всё же истаяли соки...»	57
Начало	58
Пора листопада	59
На Урале	61
«Извечному забвенью вопреки...»	62
«Придите, светлые слова...»	63
На переломе	65
«Декабрь вышагивает в гору...»	66
Мотогонки на льду	67
«Сорок градусов!..»	68

Кольцово	69
«Иное поколение людей...»	70
Костры на берегу	71
«Года уходят в осень...»	72
«Мартовский день февраля...»	73
«Закипающая капель...»	74
Ночное купание	75
Ночлег	76
Наша песня	77
Адыл-Су	79
Воспоминание о горах	80
Берёза	82
Дни августа	83
«Леса полны последней теплоты...»	84
«У края зыбкой тишины...»	85
Картина	86
«В окрестностях всё больше янтаря...»	87
«Ну вот и настала погода...»	88
Камышловская баллада	89
Летосчисление	91
Баллада о блокадном одеяле	92
Послевоенная музыка	94
Аккордеонист	96
Однокрылый	98
В армию	100
Граница	101
«Нет ходу, нет лёту, нет броду...»	102
Баллада о последних фронтовиках.	103
Воспоминание об авиации	105
«Земля, она лишь для начала...»	106
Танки на пьедесталах	107

«Дорога лесная, прямая...»	108
Каток	109
«Пустынен берег моря в феврале...»	110
«И сыпал тихий снег...»	111
К вопросу о земледелии в России	112
«Лето в самом начале...»	113
Рубцов, 1967 год	114
«Александр Александрович...»	116
Ясная Поляна	117
Из Ахмеда Адила	118
Церковь в Смолино	119
Похороны Шукшина	120
«Твардовский на Гагарина похож...»	122
«Шаги мои раскованно тихи...»	124
О красоте	125
Илье	126
«Шорох, запах прошлогодней прели...»	127
<i>Нина Буйносова</i>	
СУРОВЫЙ ЦЕЗАРЬ ИЗ... КАМЕНСКА	128

Литературно-художественное издание

Юрий Каплунов

ШУГА

Стихотворения разных лет

(12+)

Редактор-составитель – Е. В. Черников

Художник – А. Г. Сайфулин

Вёрстка – Л. В. Черных

Корректор – И. И. Плотникова

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2=411.2)6-5

Подписано в печать 11.02.2021. Формат 84х108/32.

Тираж 300 экз.

Издательство «Маматов»

190068, г. Санкт-Петербург, Вознесенский пр., 55а,

www.mamatov.ru